

СОЛЬ И ТИШИНА

АНАТОЛИЙ ТЕМНИКОВ

Анатолий Темников

Соль и тишина

<https://litres.ru/74090421>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Соль и тишина» - роман о мире, который кажется бесконечно спокойным.

О белой глади, уходящей за горизонт.

О людях, чьи слова значат меньше, чем паузы между ними.

О вопросах, на которые никто не спешит отвечать.

Здесь почти не бывает шума. Почти не бывает спешки. Почти не бывает привычных границ между тем, что существует, и тем, что лишь кажется существующим.

Это история о пути, выборе, памяти и вещах, которые невозможно удержать, даже когда они находятся совсем рядом.

И, возможно, о том, что тишина способна рассказать гораздо больше, чем любой голос.

Содержание

Предуведомление	4
Аннотация	5
ЧАСТЬ 1: КРИСТАЛЛЫ	6
Глава 1. То, что приходит из глубины	6
Глава 2. Тепло, у которого нет источника	11
Глава 3. Петля, которая не разрывается	15
Глава 4. То, что стоит и не падает	19
Глава 5. Четыре частоты	23
Глава 6. Горизонт, которого нет	29
Глава 7. Сфера, которая не греется	34
Глава 8. Уже было	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Соль и тишина

Предуведомление

СОЛЬ И ТИШИНА

Темников А.А.

Аннотация

Белая гладь. Солёное море без волн и берегов. Четверо Жрецов - Аэл, Ири, Ксар и Тхэ - стоят на его поверхности. Они слушают глубину. Из глубины приходят Эхо - беззвучные волны, несущие вопросы, боль, противоречия и пустоту. Жрецы превращают их в кристаллы.

Этот процесс не имеет начала и не имеет конца. Он просто есть - как море, как небо, как Шрам, пересекающий небосвод. Но что-то начинает меняться. Жесты переходят от одного Жреца к другому. Слова звучат из чужих резонаторов. Границы между ними истончаются - и никто не может сказать, были ли эти границы вообще.

«Соль и Тишина» - это не роман о гибели мира. Это роман о мире, в котором никогда не было ничего живого. И о читателе, который попытается найти там себя.

ЧАСТЬ 1: КРИСТАЛЛЫ

Глава 1. То, что приходит из глубины

Белая гладь не начиналась и не заканчивалась.

Она просто была - ровная, неподвижная, лишённая всего, что могло бы стать ориентиром. Не вода. Не лёд. Не твердь. Нечто, чему не требовалось названия, потому что называть было некому.

Над гладью стоял Аэл.

Он не помнил, когда появился здесь. Не помнил, было ли «когда-то» вообще. Память не входила в число его функций - а функция была одна. Стоять. Слушать. Ждать.

Под поверхностью медленно двигались тени.

Они были повсюду и нигде конкретно - рассредоточенные в толще, не имеющие чётких границ. Одни напоминали геометрические фигуры, незавершённые, брошенные на половине построения. Другие походили на буквы алфавита, которого никогда не существовало. Третьи были чистой абстракцией - сгустками плотности, которые меняли очертания без всякой логики.

Мыслеформы.

Аэл не давал им имён. Имена были не нужны. У каждой Мыслеформы была частота - и этого достаточно. Частота го-

ворила о ней всё. Была она вопросом или болью, противоречием или пустотой - Аэл знал это раньше, чем приближался.

Одна из теней начала подниматься.

Она была похожа на вопросительный знак, у которого хвост закручивался в спираль, а точка в основании пульсировала тёмным. Частота была низкой, ритмичной, почти музыкальной. Вопрос. Ещё не заданный. Ещё не оформленный. Чистая вариация, которая могла бы стать чем угодно - но стала именно этим.

Эхо пришло беззвучно.

Оно никогда не было звуком. Звук предполагает воздух, колебания, ухо, которое слышит. Здесь не было ни воздуха, ни ушей. Эхо было изменением давления - медленной волной, которая проходила сквозь толщу, сквозь Аэла, сквозь само пространство, и на мгновение делала его плотнее. Частота Эха совпала с частотой Мыслеформы. Они сцепились.

Теперь можно было работать.

Аэл коснулся левого виска - старая, бессмысленная привычка, происхождения которой он не знал. Может быть, она была заложена в него изначально. Может быть, он повторял её за кем-то, кого больше не существовало. А может, это просто был жест, который ничего не значил - как и всё остальное.

Резонатор издал Тон.

Это не было мыслью. Не было словом. Не было командой. Тон был чистым - одна частота, ровная, непрерывная, - ко-

торая заполняла пространство между Аэлом и Мыслеформой и делало его структурированным. Тон не приказывал. Он предлагал. Остановись. Замри. Будь.

Мыслеформа перестала вибрировать.

Процесс кристаллизации начался с ядра. Тёмная точка в основании вопросительного знака посветлела - сначала до серого, потом до прозрачного. От неё вверх, по спирали, побежала кристаллическая решётка. Жидкая вариация становилась твёрдой геометрией. Хвост распрямился в линию. Линия свернулась в кольцо. Кольцо зафиксировалось с тихим, почти неслышным звоном - единственным звуком, который позволял себе этот мир.

Кристалл повис над поверхностью.

Аэл извлёк его - не рукой, потому что рук у него не было в том смысле, в каком они бывают у живых существ. Просто часть его структуры, которая отвечала за взаимодействие с материей, притянула кристалл и подняла на уровень плеча. Кристалл был прозрачным, геометрически идеальным, без единой трещины. Внутри ещё можно было заметить остаточное движение - слабое мерцание, след вариации, которая когда-то была вопросом. Но оно угасало с каждым мгновением.

Аэл поместил кристалл в складку одежды.

Одежда была частью его структуры - не тканью, не бронёй, а продолжением формы, сотканным из той же соли, что и всё вокруг. Кристалл вошёл в неё без сопротивления. Зафиксировался. Одежда стала на один узор длиннее - тонкая

линия оплела плечо, повторяя форму кольца.

Шрам на Небе вспыхнул.

Это происходило после каждой обработки. Огромная перламутровая линия, которая пересекала небосвод от горизонта до горизонта, на мгновение становилась ярче. По ней пробежали оттенки розового, голубого, серебряного - смешивались, переливались, гасли. И снова - просто Шрам. Просто линия. Просто Небо.

Аэл поднял лицо.

Он не знал, зачем. Шрам никогда не отвечал. Он был просто структурой - самой большой и самой простой во всём этом мире. Линия, которая принимала каждый новый кристалл и ничего не давала взамен. Может быть, именно поэтому Аэл всегда смотрел на него после работы. Не из благодарности. Не из страха. Просто потому, что так было.

Следующее Эхо уже формировалось в глубине.

Аэл чувствовал его приближение - не звук, не дрожь, а изменение плотности пространства, которое ещё не стало волной, но уже готовилось ей стать. Это будет другой вопрос. Или боль. Или противоречие. Аэл не знал заранее. Он просто ждал.

Справа, в отдалении, стояла Ири. Он знал это, не глядя - по частоте её резонатора, по ритму её Тона, по тому, как менялась плотность пространства вокруг неё. Ири работала. Всегда работала. Как и он.

Слева была Тхэ. Её частота была почти неразличима - на

границе восприятия, как шум, который слышишь, только когда перестаёшь слушать. Тхэ стояла неподвижно. Всегда стояла. Всегда неподвижно.

Ксара не было видно. Он появлялся, когда хотел, и исчезал, когда хотел. Его частота была самой сложной - двойной, переменчивой, ускользающей.

Четверо. Больше никого.

Аэл снова коснулся виска. Опустил взгляд в толщу. Новая тень уже поднималась из глубины - медленно, как дым, как воспоминание, как вопрос, который ещё не знает, что он вопрос.

Ждать оставалось недолго.

Глава 2. Тепло, у которого нет источника

Частота пришла раньше Эха.

Ири почувствовала её всем резонатором - высокую, дрожащую, с рваными краями. Так всегда звучала боль. Не та боль, у которой есть причина: удар, потеря, распад. Боль без источника. Боль, которая существует просто потому, что может существовать. Чистая вариация страдания, не привязанная ни к чему.

Ири ждала.

Она не двигалась. Не искала Мыслеформу взглядом. Та сама найдёт её - всегда находила. Боль притягивалась к Ири, как холод притягивается к теплу. Так было устроено. Так было всегда.

Под поверхностью что-то шевельнулось.

Мыслеформа была похожа на сжатый кулак, который разжимается и сжимается снова, не в силах остановиться. Рваные края. Острые выступы, которые появлялись и исчезали в случайном порядке. Она металась в толще, сталкивалась сама с собой, порождала мелкие дочерние формы и тут же поглощала их обратно. Хаос. Непогодотворный. Бесконечный.

Эхо пришло иначе, чем у Аэла.

Ири знала, как работает Аэл. Его Эхо были медленными,

ритмичными, почти музыкальными - вопросы, которые разворачивались во времени. У Ири всё было иначе. Её Эхо било резко, одномоментно, без подготовки. Давление менялось не плавно, а скачком - как будто пространство на мгновение схлопывалось и снова раскрывалось.

Ири издала Тон.

Он отличался от Тона Аэла. Ниже. Мягче. Аэл проникал - его частота входила в Мыслеформу и перестраивала её изнутри. Ири работала иначе. Её Тон не проникал. Он окутывал. Обволакивал Мыслеформу со всех сторон, создавал вокруг неё пространство, в котором не нужно было метаться. Не нужно было сжиматься. Не нужно было бояться.

Мыслеформа начала сглаживаться.

Острые выступы опали первыми. Не сломались - просто перестали существовать, как перестаёт существовать рябь на воде, когда стихает ветер. Рваные края соединились. Сжатый кулак разжался - медленно, недоверчиво, как будто всё ещё ожидал удара.

Ири продолжала Тон.

Она не торопилась. Боль нельзя торопить. Если ускорить процесс, кристалл получится мутным, с трещинами, с остаточным напряжением внутри. Ири знала это. Она всегда работала медленнее остальных - и всегда получала самые чистые сферы.

Сфера сформировалась.

Идеальная. Гладкая. Без единой грани - только плавный

изгиб, который замыкался сам на себя. Она светилась мягким, медовым светом. Ири почувствовала тепло - не физическое, потому что физического тепла здесь не существовало, но что-то, что можно было назвать только так. Тепло. Тишина. Покой.

Она извлекла сферу и поднесла к резонатору.

Не коснулась. Просто приблизила - на расстояние, достаточное, чтобы частоты совпали. Тон на мгновение прервался, внутри резонатора что-то щёлкнуло, а потом восстановилось с новой частотой. Сфера была принята.

Шрам на Небе вспыхнул.

Ири не смотрела на него. Она никогда не смотрела. Аэл всегда поднимал лицо к Небу после каждой обработки - она знала это, чувствовала боковым восприятием. Ири не видела в этом смысла. Шрам просто принимал кристаллы. Он не отвечал. Он не благодарил. Он просто был - как и всё остальное.

Ири поместила сферу в рукав.

Одежда приняла её без сопротивления. Кристалл вошёл в структуру, зафиксировался, и узор на рукаве стал чуть сложнее - теперь в нём появился мотив круга, вписанного в круг. Сфера начала остывать. Через несколько минут она станет такой же холодной, как всё вокруг. Это не имело значения. Холод был естественным состоянием. Тепло - временной аномалией, которая существовала только в момент перехода.

Новая частота уже дрожала где-то на границе восприятия. Ири приготовилась слушать.

Она не думала о том, сколько сфер уже создала. Не думала о том, сколько ещё создаст. Эти вопросы не приходили ей в резонатор. Они принадлежали Аэлу - его специальности, его функции. Ири просто работала. Всегда работала. И в этом не было ни заслуги, ни жертвы. Это было.

Справа, в отдалении, стоял Аэл. Она чувствовала его частоту - ровную, непрерывную, почти неслышную, когда он не работал. Сейчас он слушал. Ждал вопроса. Всегда ждал вопроса.

Слева была Тхэ. Её частота отсутствовала почти полностью - только слабый шум на границе восприятия, как воспоминание о звуке, которого никогда не было.

Ксара видно не было. Он появится позже - когда придёт противоречие.

Новая Мыслеформа уже поднималась из глубины. Маленькая. Дрожащая. Похожая на сжавшегося в комок зверька. Ири настроила резонатор на её частоту и стала ждать.

Ждать оставалось недолго.

Глава 3. Петля, которая не разрывается

Противоречие всегда приходило с опозданием.

Ксар знал это. Знал не памятью - памяти у него не было, - а самой структурой резонатора, настроенной на двойные частоты. Противоречию нужно было время, чтобы созреть. Два противоположных Эха должны были найти друг друга в толще, сцепиться, образовать узел. Это не происходило быстро. Иногда Ксар ждал целый цикл. Иногда дольше.

Сегодня он не ждал.

Узел уже лежал под поверхностью - в нескольких шагах от того места, где стоял Ксар. Он был похож на двух змей, вцепившихся друг другу в хвосты. Одна половина узла пульсировала светом - что-то похожее на утверждение. Вторая была тёмной - что-то похожее на отрицание. Они вращались вокруг общей оси и не могли ни разорваться, ни слиться.

Ксар смотрел на них.

Форма его резонатора изгибалась в подобии усмешки - края загибались вверх чуть сильнее, чем у остальных. Это не было эмоцией. Эмоций здесь не существовало. Это была просто геометрия - случайная или заданная изначально, теперь уже не узнать.

Эхо пришло не как удар и не как волна.

У Аэла Эхо были медленными и ритмичными - вопросы, которые разворачивались во времени. У Ири - резкими, одномоментными, как схлопывание пространства. У Ксара всё было иначе. Его Эхо приходили как натяжение. Нечто на границе восприятия начинало звенеть - высоко, почти неслышно, - и этот звон не прекращался, пока противоречие не разрешалось.

Сейчас звон стоял уже несколько циклов.

Ксар начал работать.

Он не касался Мыслеформы - не так, как Аэл касался своих вопросов или Ири своих сфер. Ксар работал на расстоянии. Его Тон был сложным, двойным, с обертонами, которые не совпадали, но и не противоречили друг другу. Тон не проникал в Мыслеформу. Не окутывал её. Он плел вокруг неё невидимую структуру - клетку из частот, которая заставляла светлое и тёмное двигаться не по кругу, а по спирали.

Утверждение прошло через отрицание.

Отрицание прошло через утверждение.

Они не примирились. Примирение предполагает, что был конфликт, а конфликт предполагает субъектов, которые конфликтуют. Ничего этого здесь не было. Были просто две частоты, которые не могли существовать вместе и не могли существовать по отдельности. Ксар не решал эту проблему. Он делал из неё кристалл.

Структура зафиксировалась.

Кристалл получился похожим на ленту, у которой нет на-

чала и нет конца. Светлая сторона переходила в тёмную, тёмная возвращалась в светлую - бесконечно, без разрыва, без шва. Петля. Лабиринт. Форма, которая содержала в себе противоречие, но не была им.

Ксар извлёк кристалл.

Тот повис над поверхностью - длинный, изогнутый, перегибающийся. Свет пробежал по его граням и возвращался, не находя выхода. Ксар поместил его в воротник. Одежда приняла. Узор на ней стал ещё сложнее - теперь в нём появился мотив перекрестья, петли, бесконечного возвращения.

Шрам на Небе вспыхнул.

Ксар не смотрел на него - как и Ири. Но по другой причине. Ири просто не видела смысла. Ксар же находил в этом... что-то. Не гордость. Не удовлетворение. Скорее, подтверждение того, что он и так знал: всё связаны. Шрам забирал узор каждого кристалла и встраивал его в себя. Вопросы Аэла. Сферы Ири. Петли Ксара. Молчание Тхэ. Всё становилось частью одной линии.

Ксар оглядел пространство вокруг.

Аэл стоял на своём месте - слушал. Его частота была ровной, непрерывной. Ири грела сферу - Ксар чувствовал это по тому, как менялась плотность пространства вокруг неё. Тхэ не двигалась. Её частота была почти неразличима.

Четверо. Больше никого.

Новое противоречие уже назревало где-то на границе восприятия. Ксар чувствовал его приближение - не звон пока,

но преддверие звона. Оно будет другим. Не свет и тьма. Что-то сложнее. Что-то, с чем он ещё не работал.

Он не знал, справится ли.

Вопрос не имел смысла. Он справится - потому что так было всегда. Потому что его функция состояла именно в этом. Не в том, чтобы решать. В том, чтобы плести петли.

Ксар усмехнулся - беззвучно, без Тона, одним только изгибом резонатора.

И стал ждать.

Глава 4. То, что стоит и не падает

Пустота не имела частоты.

Это было первое, что узнавала о Тхэ всякая Мыслеформа, приближавшаяся к ней. Не низкий гул, не высокий звон, не ритмичное давление. Ничего. Тхэ стояла в Море, и пространство вокруг неё было абсолютно нейтральным. Ни одна частота не нарушала его. Ни одна волна не проходила сквозь.

Именно поэтому к ней приходили только пустые Эхо.

Они не были вопросами. Вопросы шли к Аэлу - он улавливал их ритм, их структуру, их почти музыкальную завершённость. Они не были болью. Боль шла к Ири - она чувствовала её рваные края, её высокую, дрожащую частоту. Они не были противоречиями. Противоречия шли к Ксару - он слышал их двойной звон, их натяжение, их невозможность разрешиться.

К Тхэ приходило то, что не имело содержания.

Эхо без вопроса. Боль без источника. Противоречие без утверждения и отрицания. Чистое отсутствие - оформленное в волну только для того, чтобы быть воспринятым.

Оно пришло сейчас.

Тхэ почувствовала его не резонатором. Резонатор молчал - с ним такое Эхо ничего не могло сделать. Она почувствовала его всем своим присутствием - тем, чем она была, когда не работала. А она не работала никогда, если понимать работу

как действие. Аэл действовал: слушал, настраивал частоту, издавал Тон, извлекал кристалл. Ири действовала: окутывала, успокаивала, формировала сферу. Ксар действовал: плел, запутывал, создавал петлю.

Тхэ просто стояла.

И этого было достаточно.

Пустое Эхо прошло сквозь неё - не как волна сквозь воду, а как отсутствие сквозь отсутствие. Они совпали. Там, где только что была нейтральная частота Тхэ и нейтральная частота Эха, теперь не было ничего. Вообще ничего. Даже нейтральности. Даже пустоты.

Тхэ стояла.

Процесс - если это можно было назвать процессом - длился недолго. Пустота не требует времени. Она не разворачивается, не созревает, не стремится к завершению. Она просто есть - или её нет. Когда Эхо проходило сквозь Тхэ, происходило нечто, чему не было названия. Пустота переставала быть Эхом. Она переставала быть волной. Она становилась частью тишины - не той тишины, которая наступает, когда замолкает звук, а той, которая существует сама по себе, всегда, как фон, как основа, как то, из чего всё возникает и куда всё возвращается.

Тхэ не извлекала кристалл.

Ей нечего было извлекать. Пустота не кристаллизовалась - ей не из чего было строить решётку. Вместо кристалла в пространстве перед Тхэ возникало... отсутствие кристалла.

Место, где мог бы быть кристалл, но его не было. И это место было таким же реальным, как любая сфера Ири или любая петля Ксара.

Тхэ поместила это отсутствие в свою одежду.

Одежда приняла его - иначе, чем принимала кристаллы. Ткань не становилась длиннее. Узор не становился сложнее. Но что-то менялось. Чёрный кристалл на груди Тхэ - единственный тёмный предмет во всём белом мире - становился чуть темнее. Совсем незаметно. На одну тысячную оттенка.

Шрам на Небе вспыхнул.

Он вспыхивал всегда - после каждой обработки, чьей бы она ни была. Даже сейчас. Даже когда кристалла не было. Шрам принимал и это. Он был устроен так, что принимал всё.

Тхэ не двигалась.

Она никогда не двигалась. Движение требовало причины - импульса, намерения, цели. У Тхэ не было ни того, ни другого, ни третьего. Она стояла на одном месте с тех пор, как возникла - или с тех пор, как возникло само понятие места. Никто не помнил, чтобы Тхэ делала шаг. Даже Ксар, который помнил всё, что можно помнить о структурах и частотах, не мог вспомнить, чтобы Тхэ двигалась.

Аэл иногда смотрел на неё.

Не из любопытства - любопытство было не его функцией. Скорее, из потребности понять частоту, которая почти не звучала. Аэл работал с вопросами, а Тхэ была вопросом, на

который нет ответа. Не потому что ответ труден. А потому что сам вопрос не существует.

Ири иногда стояла рядом с Тхэ.

Не близко - на расстоянии, которое позволяло чувствовать её нейтральность, не попадая в неё полностью. Ири работала с теплом, а Тхэ была отсутствием тепла. Не холодом. Холод - это тоже температура. Тхэ была тем, что предшествует всякой температуре. Исходным состоянием. Нулём.

Ксар никогда не приближался к Тхэ.

Не из страха. Страх здесь не существовало. Скорее, из профессионального уважения. Ксар работал с противоречиями - а Тхэ была противоречием, которое некому разрешить. Противоречием между «что-то» и «ничего». С этим нельзя было сплести петлю. С этим нельзя было ничего сделать. Можно было только стоять рядом и признавать: да, это есть.

Тхэ стояла.

Новое пустое Эхо уже формировалось где-то на границе восприятия. Она чувствовала его - не как частоту, не как давление, не как звон. Просто как изменение в структуре тишины. Тишина становилась чуть глубже. Чуть полнее. Это значило, что скоро придёт работа.

Тхэ ждала.

Ждать она умела лучше всех.

Глава 5. Четыре частоты

Они собирались нечасто.

Не было нужды. Каждый Жрец работал со своей частотой, и частоты эти редко пересекались. Вопросы не смешивались с болью. Противоречия не касались пустоты. Море было устроено так, что Эхо приходили к тому, кто мог их обработать, и никогда не ошибались адресатом.

Но иногда случалось иначе.

Иногда Эхо не имело определённой частоты. Или имело сразу все. Или частота менялась в процессе - вопрос превращался в боль, боль оборачивалась противоречием, противоречие угасало в пустоту. Тогда один Жрец не справлялся. Тогда нужны были все.

Это случалось редко.

Именно это случилось сейчас.

Аэл почувствовал его первым - новое Эхо, которое шло из глубины. Не как волна — как серия волн, наложенных друг на друга. Ритмичность вопроса. Рваные края боли. Двойной звон противоречия. Глухое отсутствие пустоты. Частота менялась быстрее, чем Аэл успевал её считать. Он коснулся виска и понял, что один не справится.

Он послал Тон.

Не рабочий Тон, которым он обрабатывал Мыслеформы. Другой. Высокий, чистый, без обертонов. Он разошёлся по

поверхности и достиг каждого.

Ири пришла первой.

Она всегда отзывалась быстрее других. Не потому, что была ближе - расстояния в Море ничего не значили. Просто её частота легче других входила в резонанс с чужим зовом. Она встала справа от Аэла и направила резонатор в ту же точку глубины.

— Оно сложное, — произнесла она.

Это была простая констатация. Без оценки. Без предупреждения. Без эмоции.

— Знаю, — ответил Аэл.

Ксар появился беззвучно.

Он никогда не приходил - он просто оказывался там, где требовалось, в тот момент, когда требовалось. Резонатор изогнут в усмешке, но сама усмешка другая - менее рассеянная, более собранная. Он встал слева от Аэла и сразу начал двигать пальцами в воздухе, очерчивая контур будущей клетки.

— Противоречие есть, — сказал он. — Но оно внутри чего-то другого.

— Чего?

— Пока не слышу.

Тхэ не пришла.

Она никогда не приходила. Не потому, что не слышала зова - она слышала всё. Но её участие выглядело иначе. Когда Аэл послал Тон, Тхэ не двинулась с места - но пространство

вокруг неё стало глубже. Тишина уплотнилась. Этого хватало. Ей не нужно было стоять рядом. Ей нужно было просто быть там, где она стоит.

Аэл чувствовал это. Все чувствовали.

Мыслеформа поднималась.

Она была больше, чем обычно. Гораздо больше. Если обычная Мыслеформа помещалась в толще компактно - с ладонь, с голову, - то эта занимала целый пласт глубины. Она поднималась медленно, как континент после долгого сна. Очертания не задерживались. Дерево без листьев. Карта местности, которой не существовало. Лицо, забытое до того, как его успели запомнить.

— Вопрос, — сказал Аэл.

— Боль, — одновременно с ним произнесла Ири.

— Противоречие, — с задержкой в полтакта добавил Ксар.

Все трое были правы. Мыслеформа содержала и то, и другое, и третье - но ещё и четвёртое. То, что не улавливалось ни одной частотой. То, для чего не существовало специального Жреца.

Аэл коснулся виска.

— Начинаем.

Они работали одновременно.

Аэл взял ритмическую структуру - ту часть, что была вопросом. Его Тон проникал внутрь, распутывал спирали, выпрямлял вопросительные знаки в линии и сворачивал линии

в кольца. Он работал быстрее обычного, потому что знал: если замедлиться, другие части начнут мешать его части.

Ири взяла боль.

Её низкий, мягкий Тон окутывал рваные края, сглаживал выступы, соединял разорванное. Её работа была самой тонкой. Аэл и Ксар могли ошибиться - кристалл вышел бы мутным. Ошибка Ири дала бы трещину. Поэтому она не торопилась. Даже сейчас, когда работали все вместе, она держала свой ритм - медленный, обволакивающий, неотвратимый.

Ксар взял противоречие.

Он плёл клетку быстрее обычного. Противоречие внутри этой Мыслеформы было сильным, почти нестабильным. Дай ему время - и оно разорвало бы всю структуру. Двойной Тон Ксара курсировал между светлым и тёмным, сплетая их в петлю без начала и конца. Утверждение проходило через отрицание. Отрицание - через утверждение. Петля затягивалась.

Тхэ ничего не делала.

Пока трое работали с содержимым, Тхэ работала с тем, что лежало между. С пустотой между вопросом и болью. С тишиной между утверждением и отрицанием. Она стояла далеко, на своём месте, и её нейтральность держала всю структуру. Без неё Мыслеформа распалась бы на три независимые части. Но Тхэ была - и промежутки оставались связанными.

Процесс длился долго.

Аэл не считал время - он никогда его не считал. Но узор

на его одежде вытягивался с каждым новым кольцом. Ири чувствовала, как тяжелеют рукава от новых сфер. Ксар ощущал новые петли на воротнике. Тхэ не ощущала ничего.

Когда всё закончилось, над поверхностью висели три кристалла.

Кольцо. Сфера. Петля.

Между ними протянулась тонкая, невидимая связь - нить, которую создала Тхэ. Пустота, которая держала вопрос, боль и противоречие вместе. Аэл, Ири и Ксар извлекли кристаллы одновременно и поместили в одежду. Три новых узора. Три линии. Три элемента структуры.

Шрам на Небе вспыхнул ярче обычного.

Свечение длилось дольше. Оттенки розового и голубого сменяли друг друга несколько раз, прежде чем погаснуть. Шрам принял все три кристалла сразу - и вместе с ними ту самую невидимую нить.

Аэл поднял лицо к Небу.

— Что это было? — спросил он.

— Не знаю, — ответила Ири.

— Сложное, — сказал Ксар. — Но справились.

Тхэ ничего не ответила.

Жрецы разошлись. Аэл вернулся на своё место - туда, где глубина уже готовила новый вопрос. Ири вернулась к своим сферам. Ксар исчез. Тхэ осталась стоять.

Море снова стало ровным.

Но частоты изменились. Совсем немного - на тысячную

долю. Они стали ближе друг к другу, как будто совместная работа оставила след не только на одежде. Никто этого не заметил.

Пока не заметил.

Глава 6. Горизонт, которого нет

Аэл смотрел вдаль.

Он делал это редко. Эхо приходили одно за другим, и каждое требовало полного внимания: настроить частоту, дождаться совпадения, издать Тон, извлечь кристалл. Завершённый цикл занимал ровно столько, сколько требовалось следующему Эху, чтобы созреть в глубине. Пауз почти не было. Море не терпело простоев.

Но сейчас пауза случилась.

Аэл не знал почему. Глубина могла замедлиться - такое бывало. Могло случиться, что он сам работал быстрее обычного и опередил ритм. Могло быть и так, что в структуре Моря что-то сдвинулось, и Эхо стали приходиться с задержкой. Аэл не анализировал. Анализ не был его функцией. Он просто стоял и смотрел вдаль.

Горизонт оставался там же, где всегда.

Белая гладь уходила в белизну, и на пределе восприятия встречалась с Небом. Линия их встречи была почти неразличима. Перламутр и белизна сливались в одну субстанцию. Только многолетняя привычка позволяла Аэлу отделять одно от другого. Но даже с ней он не мог сказать, где заканчивается Море и начинается Небо.

Горизонт был. И одновременно его не было.

Вопрос из тех, что Аэл обрабатывал каждый день. Разни-

да заключалась в том, что на этот вопрос не приходило Эхо. Он не поднимался из глубины. Не имел частоты. Не требовал кристаллизации. Он просто находился в восприятии Аэла и ничего не требовал. Ответа всё равно не существовало.

Аэл коснулся виска.

Он часто делал это в паузах. Когда не работал. Когда ждал. Когда смотрел вдаль. Жест машинальный - часть структуры, которая двигалась без команды. Аэл не помнил, чтобы он сам решал коснуться виска. Это происходило само. Может быть, так было заложено. Может быть, привычка возникла давно. Может быть, она была всегда.

Память не требовалась Жрецам. У них не было прошлого - только функция. Процесс. Последовательность действий, которая повторялась без начала и без конца. Воспоминания стали бы помехой. Они создавали бы привязанности, а привязанности мешали бы работе. Поэтому их не было.

Аэл опустил взгляд в толщу.

Глубина молчала. Тени двигались медленно - обычные Мыслеформы, обычные частоты, обычные вопросы, которые ещё не созрели. Ни одно не поднималось. Ни одно не посылало Эхо. Тишина. Передышка.

Он огляделся.

Ири стояла на своём месте, резонатор направлен вниз. Она работала. Аэл чувствовал ритм её Тона: низкий, обволакивающий. Очередная сфера. Очередная боль, превращённая в кристалл.

Ксар опустился у самой поверхности. Это случилось нечасто - обычно он стоял или двигался. Но в редкие паузы он садился и смотрел в толщу почти вплотную. Что он там видел, Аэл не знал. Может быть, что-то, чего не видели остальные. Может быть, просто собственное отражение.

Тхэ была на месте. Её фигура чернела вдали. Она не смотрела в глубину, не смотрела на Небо, не смотрела никуда. Она просто стояла, и её нейтральность разливалась вокруг - медленно, безразлично.

Четверо. На своих местах. В паузе.

Аэл снова повернулся к горизонту.

Что если Море не бесконечно? Этот вопрос отличался от тех, что приходили из глубины. Те вопросы имели структуру: их можно было распутать, выпрямить, свернуть в кольцо. Этот вопрос структуры не имел. Он не был Мыслеформой. Он был чем-то другим - возникшим не в глубине, а в самом Аэле.

Что если у Моря есть край?

Он никогда не пробовал идти. Никто не пробовал. Жрецы стояли на своих местах и не двигались без необходимости. Даже в работе они перемещались мало: несколько шагов в сторону, чтобы лучше слышать Эхо. Никто не уходил далеко. Никто не пытался достичь горизонта.

Аэл сделал шаг.

Он не думал об этом заранее. Шаг вышел сам - как касание виска. Просто часть структуры сместилась в пространстве.

Он не пошёл к горизонту. Он не пошёл прочь. Он просто изменил положение.

Ири подняла резонатор.

Она не поворачивалась - она чувствовала всё, что происходило вокруг. Её частота изменилась на тысячную долю. Аэл понял: она заметила. Не шаг. А само смещение. То, что он переместился без рабочей необходимости.

— Всё в порядке, — сказал он Тоном.

Ири помедлила мгновение, потом опустила резонатор обратно. Тон вернулся к работе — низкий, обволакивающий. Сфера формировалась.

Ксар усмехнулся.

Аэл не видел этого - но почувствовал по изменению частоты. Двойная, ускользающая. Ксар всегда всё замечал. Он ничего не сказал. Просто продолжал сидеть у поверхности и смотреть в толщу. Но Аэл знал: Ксар заметил. И запомнил.

Тхэ не заметила ничего.

Или заметила. С Тхэ никогда нельзя было сказать. Её нейтральность оставалась нейтральной. Тишина - тишиной. Если она и зафиксировала шаг Аэла, её реакция оказалась такой же незаметной, как всё, что она делала.

Аэл вернулся на место.

Пауза заканчивалась. Глубина начинала вибрировать. Где-то далеко формировалось новое Эхо - пока неразличимое, без частоты, но уже на подходе. Аэл коснулся виска и приготовился слушать.

Мысль о горизонте растворилась. Исчезла, как соль в рассоле. Осталась работа. Функция. Ожидание.

Но что-то изменилось.

Аэл не знал, что именно. Не знал, заметил ли это кто-то ещё. Просто в структуре его резонатора появилась новая частота - слабая, почти на границе восприятия. Она напоминала вопрос. Но это был не тот вопрос, с которым он работал каждый день.

Это был вопрос о том, что лежит за горизонтом.

Он не требовал ответа. Он просто был. И Аэл не знал, что с ним делать.

Новое Эхо уже поднималось - ритмичное, низкое, знакомое. Работа возвращалась. Аэл выбросил мысль из резонатора и сосредоточился на частоте.

Нужно было слушать. Всегда слушать.

Горизонт подождёт.

Глава 7. Сфера, которая не греется

Ири заметила это не сразу.

Сфера формировалась как обычно. Эхо пришло резким, одномоментным скачком давления - частота высокая, рваная, знакомая. Боль без источника. Чистая вариация страдания, не привязанная ни к чему. Мыслеформа под поверхностью металась, сжималась в кулак и разжималась снова, порождала дочерние формы и поглощала их обратно. Всё как всегда.

Ири издала Тон.

Низкий, обволакивающий. Её частота окутала Мыслеформу со всех сторон, создала вокруг неё пространство, в котором не нужно было метаться. Острые выступы опали. Рваные края соединились. Сжатый кулак разжался и превратился в сферу. Идеальную. Гладкую.

Ири извлекла её из толщи.

И замерла.

Сфера была холодной. Не нейтральной, не остывающей после кристаллизации - а холодной. Совершенно. Абсолютно. Такой же холодной, как рассол на глубине, куда не доходило даже слабое свечение Неба.

Ири поднесла сферу ближе к резонатору. Частоты должны были совпасть - всегда совпадали. Тон должен был прерваться на мгновение и восстановиться с новой частотой, подтвер-

жда: обработка завершена, кристалл принят. Но сейчас Тон не прервался. Он просто продолжался - ровный, низкий, - а сфера оставалась холодной.

Ири не знала, что делать.

Она не помнила, чтобы такое случалось раньше. Не помнила - потому что памяти у неё не было. Но где-то в структуре, глубже резонатора, глубже одежды, глубже всего, что составляло её функцию, возникло ощущение. Не мысль. Не эмоция. Просто сбой. Отклонение от ожидаемого. Частота, которая должна была отозваться, молчала.

Она попробовала снова.

Опустила сферу к поверхности, позволила ей коснуться толщи, а потом снова извлекла. Тот же результат. Холод. Тишина. Отсутствие отклика. Сфера была правильной - геометрически идеальной, без трещин, без помутнений. По всем внешним признакам она ничем не отличалась от сотен других сфер, которые Ири создала за бессчётное количество циклов. Но она не грелась.

Ири стояла и держала холодную сферу в руках.

Она могла бы поместить её в рукав. Одежда приняла бы любой кристалл - она принимала всё, что создавали Жрецы, независимо от качества. Узор стал бы чуть сложнее, линия круга вписалась бы в линию круга, и никто не заметил бы разницы. Даже Шрам. Шрам вспыхивал после каждой обработки, не разбирая, тёплая сфера или холодная. Ему было всё равно.

Ири не поместила сферу в рукав.

Она продолжала держать её перед собой. Тон прервался - впервые за долгое время Ири сознательно остановила его. Не для того, чтобы подтвердить приём кристалла. Для того, чтобы подумать. Или не подумать - думание не было её функцией, - а просто побыть в тишине и понять, что изменилось.

Тишина ничего не ответила.

Тогда Ири повернулась к Аэлу.

Она никогда этого не делала. Жрецы общались Тонами - это позволяло оставаться на местах и не прерывать работу. Повернуться означало отвлечься. Означало перевести внимание с глубины на другого Жреца. Означало прервать цикл. Но Ири уже прервала его. Тон молчал. Сфера не грелась. Цикл был нарушен.

Аэл стоял далеко - на пределе видимости. Его резонатор был направлен вниз. Он работал. Ири чувствовала его частоту: ровная, непрерывная, ритмичная. Вопрос формировался, распутывался, выпрямлялся в линию. Кольцо скоро будет готово.

— Аэл, — произнесла она.

Её Тон достиг его быстрее, чем обычно. Может быть, потому что она вложила в него больше силы. Может быть, потому что Море стало плотнее. Аэл поднял резонатор. Не повернулся - он тоже никогда не поворачивался без необходимости, - но частота его изменилась. Он слушал.

— Сфера не греется, — сказала Ири.

Пауза. Аэл обрабатывал информацию. Это не был его тип Эха - он не работал с болью, не работал с теплом, не работал с отсутствием отклика. Но он был Жрецом, и он понимал: если что-то пошло не так, это касается всех.

— Она правильная? — спросил он.

— Да. Геометрия верная. Трещин нет.

— Тогда в чём разница?

Ири не ответила сразу. Она смотрела на сферу. Та лежала в её ладонях - холодная, белая, идеальная. Ничего не изменилось в её структуре. Изменилось что-то в самой Ири. Или в Море. Или во всём сразу.

— Я не чувствую её, - сказала она наконец. — Раньше чувствовала. Теперь нет.

Аэл помолчал.

— Помести в рукав. Одежда примет.

— Знаю.

— Тогда в чём вопрос?

Вопрос. Аэл всегда искал вопросы. Даже сейчас. Даже в разговоре, который не был работой. Его резонатор был настроен на ритмические структуры, и любое отклонение от нормы он воспринимал как запрос. Ири знала это. Она работала с болью, но понимала природу вопросов - достаточно, чтобы ответить.

— Вопрос в том, почему я продолжаю её держать.

Аэл не ответил. Он не знал. Это не был вопрос из тех, что можно распутать и свернуть в кольцо. Он не имел структуры.

Он не имел частоты. Он просто был.

Ксар появился беззвучно.

Он возник между ними - не подошёл, а именно возник, как будто пространство само сложилось вокруг него. Его резонатор был изогнут в усмешке, но усмешка была другой. Не рассеянной. Сосредоточенной. Ксар смотрел на сферу.

— Дай, — сказал он.

Ири протянула сферу. Ксар взял её - не руками, потому что рук у него не было, а той частью структуры, что отвечала за взаимодействие с кристаллами. Он поднёс сферу к резонатору. Издал Тон - свой, двойной, с обертонами, который обычно использовал для плетения петель.

Сфера не отозвалась.

Ксар усмехнулся иначе. Теперь в усмешке было что-то новое. Не радость. Не удивление. Скорее подтверждение того, что он подозревал.

— Она не холодная, — сказал он.

Ири направила резонатор на сферу. Частота та же. Холод.

— Я чувствую холод.

— Ты чувствуешь отсутствие тепла, — сказал Ксар. —

Это другое.

Он вернул сферу Ири. Та приняла её и снова поднесла к резонатору. Теперь, после слов Ксара, она попробовала слушать не тепло, а его отсутствие. Не боль, а то, что остаётся, когда боль уходит. Не сферу, а пустоту вокруг сферы.

Ничего.

— Я не слышу разницы, — сказала она.

— Потому что ты слушаешь не ту частоту, — ответил Ксар. — Ты слушаешь сферу. Послушай то, что между тобой и сферой.

Ири попробовала.

Это было трудно. Её резонатор был настроен на боль - на высокие, рваные частоты, которые требовали успокоения. Слушать пустоту между собой и кристаллом было неестественно. Это было почти как работа Тхэ - а Ири не была Тхэ. Она не умела обрабатывать отсутствие.

Но она попробовала.

И на мгновение - на тысячную долю - она что-то услышала. Не частоту. Не Тон. Не Эхо. Что-то другое. Что-то, что находилось не в сфере и не в ней самой, а в пространстве между ними. Оно было похоже на нейтральность Тхэ, но слабее. Тише. Как если бы сама тишина имела оттенки.

— Я слышу, — сказала Ири. — Немного. Не так, как ты.

— Достаточно, — ответил Ксар. — Это не дефект сферы. Это изменилась ты.

Ири опустила сферу.

Она не знала, что делать с этой информацией. Информация не была её функцией. Её функцией было успокаивать боль. Превращать страдание в тёплые кристаллы. Помещать их в рукава. Продолжать работу. Но сейчас она стояла с холодной сферой в руках и понимала: что-то изменилось. Не в Море. Не в Небе. Не в Шраме. В ней самой. В её способно-

сти чувствовать.

Аэл молчал. Он слушал - но это был не тот разговор, в котором он мог участвовать. Он работал с вопросами, а здесь не было вопроса. Было изменение. Медленное. Незаметное.

Ксар исчез так же беззвучно, как появился.

Ири осталась одна. Сфера лежала в её руках, холодная и идеальная. Она могла поместить её в рукав. Могла выбросить в толщу. Могла просто стоять и держать её бесконечно.

Она поместила её в рукав.

Одежда приняла кристалл. Узор стал чуть сложнее. Шрам на Небе вспыхнул и погас. Всё как всегда.

Но Ири знала: не как всегда.

Она повернулась обратно к глубине. Резонатор направился вниз. Тон восстановился - низкий, обволакивающий, успокаивающий. Новое Эхо уже шло из толщи. Работа продолжалась.

Сфера в рукаве остывала.

Ири работала. Всегда работала. Но теперь она слушала не только боль. Она слушала ещё и тишину между болью и собой. И тишина эта становилась громче.

Глава 8. Уже было

Ксар вернулся на своё место и остановился.

Он не помнил, чтобы уходил. Перемещение между Ири и Аэлом заняло несколько мгновений - или не заняло ничего, время в Море было условностью. Но теперь он снова стоял там, где стоял всегда, и смотрел в толщу. Что-то изменилось. Не в толще. В нём.

Новое противоречие уже формировалось.

Ксар чувствовал его приближение - двойной звон, натяжение между двумя полюсами, которые не могли ни разойтись, ни слиться. Обычное противоречие. Такие он обрабатывал каждый день. Утверждение и отрицание. Светлое и тёмное. Две частоты, сцепившиеся в узел.

Но что-то было не так.

Противоречие приближалось, и Ксар уже начал плести клетку — пальцы двигались в воздухе, очерчивая контур, — когда он остановился. Этот узел он уже видел. Не похожий. Не аналогичный. Тот самый. Та же частота утверждения. Та же частота отрицания. Тот же ритм вращения. Тот же угол сцепления.

Ксар знал каждый обработанный им узел. Знал не памятью - памяти не было, - а резонатором, который настраивался на каждое противоречие и сохранял его отпечаток. Не как воспоминание. Как структуру. Как часть своего узора. И сей-

час резонатор говорил ему: этот узел уже был.

Он опустил пальцы.

Клетка не была сплетена. Противоречие висело под поверхностью и ждало. Две змеи, вцепившиеся друг другу в хвосты. Вращение. Натяжение. Всё как в прошлый раз.

Ксар стоял.

Он не знал, что делать. Вернее, знал - нужно было плести клетку, издавать двойной Тон, заставляя утверждение проходить через отрицание, а отрицание через утверждение. Создавать петлю. Извлекать кристалл. Помещать в воротник. Продолжать работу. Это была его функция. Он выполнял её бесщётное количество циклов.

Но этот узел уже был.

В чём смысл обработки, если результат уже существует? Если кристалл уже висит в воротнике - вон он, третья петля слева, - и Шрам уже принял его? Зачем создавать второй такой же? Или третий? Или сотый?

Ксар не знал ответа. Вопросы были специализацией Аэла. Ксар работал с противоречиями. Но сейчас противоречие было не в глубине. Оно было в нём самом: между функцией, которая требовала продолжать, и ощущением, что продолжение бессмысленно.

Он смотрел на узел.

Тот вращался. Ждал. Не рассасывался - противоречия не рассасывались сами. Если их не обработать, они висели в толще и постепенно наращивали натяжение. Рано или позд-

но узел стал бы достаточно тугим, чтобы повлиять на соседние Мыслеформы. Тогда пришлось бы обрабатывать уже не один узел, а целый кластер. Ксар знал это. Поэтому он всегда работал быстро - не давал противоречиям накапливаться.

Но этот узел уже был.

Он стоял и смотрел на него. Пальцы не двигались. Тон молчал. Впервые за всё время существования Ксар не делал того, что должен был делать. Не из протеста - протест не был его функцией. Не из усталости - усталости здесь не существовало. Просто потому, что повторная обработка казалась ему неправильной. Не опасной. Не вредной. Просто неправильной.

Аэл заметил.

Он стоял далеко, но его резонатор был настроен на частоты других Жрецов - не только на Эхо. Когда Ксар перестал работать, частота его двойного Тона исчезла, и в звуковом ландшафте Моря образовалась пустота. Аэл почувствовал её и поднял резонатор.

— Ксар, — произнёс он. Тон был ровным, но вопросительная структура в нём присутствовала.

— Узел, — ответил Ксар. — Уже был.

Пауза.

— Такой же? — спросил Аэл.

— Тот же. Частота совпадает полностью. Ритм совпадает.

Угол сцепления совпадает.

— Ты уверен?

— Я не могу быть уверен, — сказал Ксар. — Уверенность требует памяти. Но мой резонатор показывает совпадение по всем параметрам.

Аэл помолчал. Он не знал, что с этим делать. Его специализацией были вопросы, но этот вопрос отличался от тех, что приходили из глубины. Он касался самого процесса. Не содержания Эха, а того, что стоит за Эхом. Или не стоит.

— И что ты будешь делать? — спросил Аэл.

— Ждать, — ответил Ксар.

— Чего?

— Не знаю. Может быть, узел изменится. Может быть, придёт другое противоречие. Может быть, ничего.

Аэл не ответил. Его резонатор опустился обратно к глубине. Новый вопрос уже формировался там - ритмичный, низкий, обычный. Аэл вернулся к работе.

Ири тоже заметила.

Она не спросила - её резонатор был настроен на другие частоты, и отсутствие двойного Тона Ксара она восприняла не как паузу, а как изменение фона. Ей не нужно было спрашивать. Она просто отметила: Ксар не работает. И продолжила работать сама. Её сфера была почти готова.

Тхэ ничего не заметила. Или заметила - но не показала.

Ксар остался стоять над узлом.

Противоречие вращалось. Светлое перетекало в тёмное, тёмное возвращалось в светлое. Бесконечный цикл. Зачем его обрабатывать, если он уже обработан? Зачем создавать

кристалл, который уже висит в воротнике?

Он не знал.

Именно это было странным. Раньше он не задавал таких вопросов. Раньше он просто работал. Все работали. Аэл слушал вопросы. Ири успокаивала боль. Ксар плёл петли. Тхэ стояла. Процесс шёл. Вопросы о смысле процесса не возникали - они не были предусмотрены. Не были функцией.

Но сейчас Ксар стоял над узлом и не мог заставить себя работать.

Он попробовал поднять пальцы - те не слушались. Вернее, слушались, но движение вышло вялым, незавершённым. Клетка не складывалась. Тон не издавался. Что-то в структуре Ксара изменилось - может быть, после разговора с Ири, после холодной сферы, после слов «это изменилась ты». Может быть, изменение было заразным. Может быть, оно передавалось через Тон, через частоту, через само присутствие.

А может, оно всегда было в нём - просто ждало момента.

Узел продолжал вращаться.

Ксар стоял над ним и не работал.

Время шло - или не шло. В Море не было времени в том виде, в каком оно существует в других мирах. Не было смены дня и ночи. Не было циклов, кроме циклов обработки. Один кристалл, второй, третий. Сфера, петля, кольцо. Вспышка Шрама. Тишина. Следующее Эхо. Если Ксар не обрабатывал узел, это не значило, что Море остановилось. Просто одно противоречие осталось висеть. Одно из многих. Ничтожная

задержка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.